

Художник Евгений Медведев

Моей жене Ирине

ВСТУПЛЕНИЕ

Журавлёнок

Накануне было пасмурно и зябко. Но вечером прорезался под тучами ясный закат и потеплело. Утро наступило сверкающее. Глянешь на улицу, и сразу понятно: день будет солнечный и жаркий.

Вера Вячеславовна распахнула все окна и пошла выгонять из кровати засоню Иринку. Но Иринка, оказывается, не спала. Она стояла босиком перед зеркалом и задумчиво показывала

ВСТУПЛЕНИЕ

себе язык. Увидев маму в зеркале, Иринка повернулась на пятке и сказала:

— Помню, помню, помню: «Сегодня суббота, большой аврал, никаких отлыниваний, никаких срочных дел...» Только не корми меня с утра яичницей, я от неё теряю работоспособность.

Вера Вячеславовна засмеялась. Она заметила, что нельзя потерять то, чего нет, и отправила Иринку умываться.

В квартире было просторно и тихо.

— А где папа?

— Раным-рано ушёл в мастерскую, у него сегодня худсовет... Поджарить колбасу с горошком?

После завтрака Иринка лихо двигала стулья, хлопала во дворе половики, протирала подоконники и карнизы. В своём чёрном купальнике она носилась из комнаты в комнату и была похожа на ласточку. Это удивляло Веру Вячеславовну. Не то, что дочь похожа на ласточку, а то, что в ней прорезалось с утра такое трудолюбие.

Впрочем, Иринка успевала и дурачиться. Обмотала себя шлангом гудящего пылесоса и закричала:

— Мама! Смотри, я воюю с кровожадным драконом! Он обвил меня своей длинной шеей!

— Перестань терзать пылесос! Чисти ковёр или увидишь настоящего дракона. Я сама в него превращусь.

— Нет, — возразила Иринка. — Ни в кого ты не превратишься, ты меня любишь. В крайнем случае скажешь: «Человеку, перешедшему в пятый класс, пора избавляться от детсадовских привычек...»

— Я вот тебя веником...

Иринка захохотала, и они с «драконом» накинулись на ковёр...

Но к полудню Иринка сразу как-то выключилась. То ли устала, то ли ей надоело. Она притихла, ушла в свою комнату и вдруг появилась в новых белых сандалетках и белом платице с синими горошинами — самом нарядном и любимом. Чинно села у стола.

— Ты уже собралась? — удивилась Вера Вячеславовна.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Куда? — насторожилась Иринка.

— Что значит «куда?» Мы же договорились вчера, что ты отнесёшь Юлии Яковлевне книгу и возьмёшь у неё мой зонт. Она ждёт тебя ровно в час...

— Ой... Я совсем забыла. Может, потом?

— Потом она едет на дачу, ты же знаешь. И... в чём дело? Если ты собралась не к ней, то куда, скажи на милость?

— Да совершенно никуда...

— А к чему такой наряд?

— Разве нельзя одеться по-человечески?

— Гм... А всё-таки?

Иринка уставилась на часы и небрежно сказала:

— Так... Мальчик один придёт.

— Да? Любопытно, — произнесла Вера Вячеславовна и стала перебирать в серванте бокалы, стараясь показать, что не так уж ей любопытно. Потом всё-таки спросила:

— А что за мальчик? Из вашего класса?

Она тут же подумала, что вопрос этот смешной. Стала бы Иринка наряжаться ради одноклассников!

— Не из нашего... — откликнулась дочь. Помедлила и объяснила: — Мы вчера познакомились. В парке...

«Любопытно», — чуть снова не сказала Вера Вячеславовна, однако поняла, что это выдаст её растерянность. И спросила скучноватым голосом:

— Разве ты была вчера в парке? В такую-то погоду...

— А что погода? Прохладно, вот и всё, а дождя не было... Я хотела в тире пострелять, а тир закрыт был, я тогда пошла на аттракционы. Там такую новую штуку устроили: старинные автомобильчики по ухабам носятся... Так здорово!

— Не сомневаюсь, — откликнулась Вера Вячеславовна, у которой всегда бешено кружилась голова от одного вида каруселей и качелей. — А при чём здесь мальчик?

— Как при чём? В автомобильчик надо по двое садиться, все парами идут, а я одна. И он один... Тётка там, такая сердитая, покрикивает: «Ну, скоро вы? Занимайте места!» Он на меня посмотрел и говорит: «Пошли?» Я говорю: «Пошли». Ну и по-

ехали... А это долгое катанье. Минут пять мотает вверх и вниз. Мы сидим и молчим. Потом он спрашивает: «Хочешь резинку? Мятную...» Я говорю: «Да нет, меня же не укачивает». А он: «Ну и что? Это не против укачивания, а просто так. Только у меня одна, давай пополам». Вытащил и порвал пополам вместе с фантиком. Ну, неудобно же отказываться... Сидим, жуём. Не молчать же всё время, я и спросила: «Ты из какой школы?» Он говорит: «Ни из какой ещё, мы недавно приехали. А ты из какой?» Я сказала, что из четвёртой. Он спросил: «Тебя как зовут?» Я говорю: «Ира. А тебя?» «Юра...» Вот и всё...

— Ну, наверно, не всё, — осторожно заметила Вера Вячеславовна. — Был, наверно, ещё разговор какой-то... Ты же пригласила его в гости.

— А, ну конечно! Мы потом ещё по парку ходили, я ему всё показывала, и мы про марки разговаривали. У него, оказывается, куча марок со зверями и рыбами. Вот мы и договорились, что он сегодня принесёт и покажет... В двенадцать часов.

— И про Юлию Яковлевну ты, конечно, не вспомнила...

— Мам, ну к ней же целый час ехать! А он придёт...

— Кто же виноват? — строго спросила Вера Вячеславовна, и, конечно, строгости у неё хватило лишь на этот вопрос. — Ну ладно, придёт — подождёт. Что особенного?

— А если не дождётся? — жалобно спросила Иринка.

Вера Вячеславовна засмеялась:

— Я обещаю тебе, что живым его не выпущу. А ты поторопись.

Вера Вячеславовна заметила, что нетерпеливо поглядывает на часы. Рассказ Иринки о новом знакомом слегка обеспокоил её. Ей представился высокий длинноволосый мальчишка в расстрёпанных снизу джинсах, полосатом свитере и почему-то непрерывно надувающий губами пузыри из жевательной резинки. Нет, не хулиган, конечно (с хулиганом Иринка не стала бы и разговаривать), но самоуверенный и с ленивыми размагниченными движениями. Это сейчас так модно! А Иринка готова подражать всем на свете...